

М И Х. З О Щ Е Н К О

**ВЕСЕЛОЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЕ**

П Е Т Р О П О Л И С

МИХ. ЗОЩЕНКО

ВЕСЕЛОЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЕ

ПЕТРОПОЛИС

1 9 2 7

Настоящая книга отпечатана в
типографии Б.р. Гиршбаум
в Берлине для издательства
„Петрополис“

*Alle Rechte, insbesondere das
der Übersetzung, vorbehalten.
Copyright 1927 by Petropolis, Berlin.*

Printed in Germany.

ВЕСЕЛОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ.

1

Нет, не может автор с легким и веселым сердцем прилечь на кровать с книжкой русского писателя!

Автор для душевного успокоения предпочитает взять какую-нибудь иностранную книжку.

В самом деле — иностранцы очень уж приятно пишут. Кругом у них счастье и удача. Герои все как на подбор красивые. Ходят в шелковых платьях и в голубых подштанниках. В ваннах чуть не ежедневно моются. А главное — масса бодрости, веселья и вранья. Конец, конечно, счастливый. И вообще вся книжка закрывается с полным успокоением и с полной сердечной радостью.

Даже такая неустойчивая вещь, как погода, и та берется определенно хорошая на протяжении всей иностранной книжки. Солнце светит и греет. Масса зелени и воздуху. Тепло. Духовые оркестры поминутно играют. Ведь это же прямо нервы успокаивает!

Теперь нарочно возьмем нашу дорогую русскую литературу. Погодка взята, по большей части, ерундовая. Либо мятель, либо буря. Либо ветер дует в морду герою. Герои же, как нарочно, подобраны нелюбезные. То и дело ругаются. Одеты плохо. Вместо веселых и радостных приключений описываются кровавые стычки из эпохи гражданской войны. Либо вообще чего-нибудь описывается отчего клюешь носом.

Нет, не согласен автор с такой литературой! Пущай в этой литературе много хороших и гениальных книг, пущай в этих книгах черт знает какие глубокие идеи и разнообразные слова — не может автор найти в них душевного равновесия и радости.

И почему это французы могут изображать отличные и успокоительные стороны жизни, а мы не можем. Да что вы, товарищи, поми-луйте! Хороших фактов, что ли, не хватает в нашей жизни? Или легких и бодрых приключений недостает? Или, по вашему, ощущается недохватка в красивых героинях?

Что вы, дорогие товарищи! Все есть, если поискать. И любовь. И счастье. И благополучие. И красивые героини. И яркая бодрость. И наследства. И ванны. И голубые подштанники. И выигрышные займы, по которым можно выиграть 100.000. Все это есть в нашей жизни.

Зачем же тогда засорять эту жизнь и сгущать черные краски? И так-то много скучного и бедного в наши переходные дни, зачем же еще литературой подбавлять пару?

Нет, не согласен автор с нашей высокой литературой!

Конечно, автор и сам только недавно пришел к этим решительным мыслям. Автор и сам недавно еще задавался на самые отчаянные

и меланхолические идеи и на разрешения самых невысказанных вопросов. И вот — хватит. Довольно. Не в этом счастье. И не в этом мудрость.

Может и в самом деле надо писать легко и весело. Может и в самом деле надо писать только о хорошем и счастливом. Чтобы дорогой покупатель из книг черпал бы бодрость и радость, а не тоску и уныние.

Автор предполагает, что это именно так и должно быть.

И теперь, когда автор заканчивает свою книгу, он приходит к грустному размышлению о том, что вся книга написана не так, как надо бы.

Но что ж поделать? Отныне автор отрекается от всех своих мрачных мыслей и меланхолических настроений.

К сожалению, перебирая в своей памяти все приключения и события последних лет, автор с некоторым конфузом и замешательством должен заявить, что для почину особо выдающейся веселой истории автор прямо та-

ки не может сейчас припомнить. Вспоминается лишь одна, более или менее подходящая историйка, не то что бы слишком веселая, но, пожалуй, тихонько посмеяться можно будет. А если в этой истории чуть слегка подтушевать факты, не то чтобы приврать, а чуть пустиť этакого веселенького колеру и светлого фона, на котором развернутся события — то она, для почину, вполне сойдет. Читать будет можно.

А читателя автор насквозь узнал. Читателя хлебом не корми — дай ты ему ради бога за его деньги бодрые и счастливые переживания.

Какой-нибудь тут литературный критик, какой-нибудь писатель, какой-нибудь Рабиндранат Тагор ужасно как обрадуется и всполошится. «Вот, — скажет, потирая руки, — взгляните, скажет, на сукинова-сына — явно потрафляет читателю. Хватайте его и бейте по морде и по чем попало».

Обождите драться и ударять по морде, уважаемые критики. Обождите замахиваться.

Дайте сказать человеку. Он не потрафляет читателю, а пишет так, как полагает нужным, ради бодрой идеи и ради общего благополучия. Впрочем, житейская мудрость и опыт многих лет, а также слабое состояние здоровья не позволяют автору вступить в спор с критиком.

Так вот, перебирая в памяти десятка полтора всяких историй, автор решает остановиться на забавном и веселом приключении, достойном пера какого-нибудь выдающегося французского писателя.

В этом веселом приключении много было счастливых и острых переживаний, много было бодрости и борьбы. Тут были романтические встречи. И стояла весьма недурная осенняя погода. Счастливейший конец завершил эту эпопею.

Автор полагает, что лучшей истории ему прямо таки не припомнить.

Конечно, на первый взгляд особо выдающейся бодрости и счастья не будет ощущаться. Но нельзя же чтоб сплошь было счастье

и счастье. Этак и жить, сами понимаете, будет скучновато.

Итак, автор постарается в правдивых и бодрых тонах рассказать о веселом приключении, случившемся в самые недавние дни с Сергеем Петровичем Петуховым.

2

Сергей Петрович Петухов по воскресеньям на службу не ходил. В этот день, полный отдыха и бодрого веселья, Сергей Петрович вставал поздно, часов этак в десять, а то и в одиннадцать. Вон как!

Но сегодня не было еще и десяти, когда Сергей Петрович сладко потянулся в своей постели, перевернулся на другой бок и радостно улыбнулся наступающему утру.

Это была улыбка молодого здорового организма, незахвачанного еще врачами. Это была улыбка юноши, видевшего ночью от-

личные сны, светлые перспективы и бодрые горизонты.

И действительно, в эту ночь Сергей Петрович видел себя каким-то молодым богатым франтом. Он не помнил в точности что он видел, но какие-то миловидные мордочки, какие-то танцующие барышни, какие-то легкие, неоскорбительные речи и славные улыбки — переплелись этой ночью в радостное сновиденье, в счастливые картины молодости и удачи.

Сергей Петрович похлопал себя ладонью по зевающему рту и сел на постель.

Довольно чистая ночная рубашка из тонкого мадеполама плотно облегла высокую грудь и молодые, крепкие плечи.

Сергей Петрович долго сидел на постели и, обняв свои колени, обдумывал виденный сон.

И под влиянием этого сна и, может, из-за того, что солнце светило в комнату, Сергею Петровичу захотелось легкой и беспечной жизни, или какого-нибудь забавного и весе-

лого приключения. Ему захотелось как бы продолжения сегодняшнего удачного сна.

Ему захотелось жить в просторной и веселой комнате, площадью не менее, как в три квадратных сажени. Он уже мысленно застилал эту комнату пушистыми персидскими коврами и обставлял ее дорогими роялями и пианинами.

Он уже видел себя под руку с красивой, миловидной девушкой. Ему казалось, что он идет с ней в кафэ, где пьет густое какао с венскими сухарями, платит за все один и затем, пошатываясь, выходит на улицу.

Сергей Петрович вздохнул, обвел презрительным взглядом свое неказистое помещение и вдруг, резким движеньем, вскочил с постели.

Он вскочил с постели, всполоснул морду под жестяным рукомойником, причесал свои трепанные волосы и, прикрепив маленькое карманное зеркальце к стене, стал перед ним завязывать галстух.

Он долго возился с галстухом, потом с сапогами, начищая их до самого отчаянного блеска. Потом долго примерял шляпу. И, наконец, одетый и причесанный, слегка надутый мятными каплями, вышел на улицу.

Стояло чудное тихое утро бабьего лета. Масса зелени, воздуха и солнца на минуту ослепила Сергея Петровича. Где-то гремел духовой оркестр — хоронили общественного деятеля.

Сергея постоял у дома, повертел в руке палочку и пошел вдоль по проспекту легкой, танцующей походкой.

Сергею Петухову было 25 лет. Он был молод и здоров. У него были крепкие и сильные мускулы, у него были крупные, удачные черты лица и красивые серые глаза с ресницами и бровями. Проходящие женщины, будь то престарелые увядшие домашние хозяйки или молодые неопытные девушки, с явным удовольствием глядели на его выпуклый стан, на его круглые, полные щеки и на све-

же-разглаженные штаны без излишних пятен.

Сергей Петрович чуть прищуренным глазом приветствовал каждую проходящую мимо женщину. Иногда он оборачивался и смотрел ей вслед что-то соображая и обдумывая. Он шел медленно и дышал полной грудью. Иногда насвистывал какой-нибудь веселый мотив. Иногда останавливался у магазина рядом с какой-нибудь девушкой и смотрел на нее искоса, как бы оценивая и сравнивая с теми выдающимися барышнями, каких он видел этой ночью.

Вдруг Сергей обернулся и пристально посмотрел вслед какой-то проходящей девушке.

— Катюша Червякова собственной персоной, — подумал Сергей Петрович и, немного постояв, пошел вслед за ней.

Слегка задыхаясь, он догнал девушку. Он хотел сзади веселым шаловливым движением рук закрыть ей глаза и после спросить фальшивым тоном:

«Кто вас схватил за глаза?» Но вдруг вспомнил, что руки у него сегодня не особо чистые и что перед уходом он чистил сапоги, и ядовитый скипидарный дух гуталина вряд ли выветрился за пятиминутную прогулку.

Сергея раздумал это сделать и только, подойдя совсем близко к девушке, он дернул ее за руку и, шуточно затопав ногами, вскричал: «Вот я вас! Хоп, поберегись!»...

Девушка, смертельно побледнев, испуганно отшатнулась. Скорей всего, она предположила, что какой-то дурак выкатывает тележку со двора или какой-нибудь хулиган хочет чего-нибудь с ней сделать, но увидев Сергея Петровича, она бурно расхохоталась. Они вдвоем, взявшись за руки, хохотали, как дети. Они буквально минут десять не могли произнести ни одного слова от приступов смеха.

Потом, слегка успокоившись, он спросил, куда она идет. И, узнав, что она гуляет, он взял ее под руку и поволочил за собой.

Много раз встречался Сергей Петрович с этой девушкой, но никогда не думал о ней и не вспоминал даже. А сейчас, под влиянием легкого веселого сна и бодрящей погоды, Серега ощутил в своей груди какое-то томление и любовный трепет.

Он крепко взял девушку под руку и торжественно повел ее по городу, как бы приглашая прохожих взглянуть на продолжение его сна.

Катюша Червякова, привыкшая видеть Сергея Петровича слегка хмурым, с обидчиво выпяченной нижней губой, решительно недоумевала. Она не знала, какая счастливая муха укусила ее кавалера. Но, по природе своей, веселая и смешливая, она поддерживала его бодрое, шаловливое настроение ума. Она говорила всякие пустяки и он, захлебываясь от смеха и молодости, буквально хрюкал на всю улицу.

Молодость, красота и прекрасная погода связали вдруг эту парочку. Им обоим пока-

залось, что наступила любовь и тогда какой-то трепет прошел по их коже.

И когда они прощались у ее дома, Сергей Петрович стал взволнованно просить назначить свиданье как можно скорее. Он говорил, что жизнь его быстро проходит без особых переживаний и приключений. Он крайне одинок. Одиночество его коробит. И он хотел бы поближе подойти к Катюше Червяковой. Не хочет ли она сегодня в 7 часов вечера придти на угол Кирпичного переулка к кинематографу? Они пойдут на первый сеанс и там, сидя рядышком, посмотрят драму и под музыку обмозгуют чего им делать дальше — гулять ли по городу или зайти куданибудь.

Слегка для виду поломавшись и заявив, что надо сегодня подрубить какие-то там мамашины простыни и пересчитать грязное белье, девушка все же быстро дала свое согласие, испугавшись, как бы кавалер не раздумал насчет кино.

Они очень мило и просто попрощались и разошлись. Впрочем, Серега с минуту постоял еще перед калиткой, заглянул в ворота, бодро цыкнул на залаявшую на него собаку и пошел домой завтракать.

Завтрак был сытный и сочный. Яичница из трех яиц с луком и с хреном. Кусок чайной колбасы. Масло. Хлеба Сергей Петрович мог есть без усталости. Хозяйка с этим не считалась.

— Хорошая штука жизнь! — бормотал Сережа, кушая яичницу.

3

Автор не знает, что самое главное, самое, так сказать, великолепное в нашей жизни: из-за чего стоит, вообще говоря, существовать на свете.

Может быть это служение отечеству? Может быть служение народу и всякая такая ураганная идеология? Может быть так. Ско-

рей всего, что так. Но вот в личной жизни, в повседневном плане, кроме этих высоких идей существуют и другие, более мелкие идейки, которые, главным образом, и делают нашу жизнь интересной и привлекательной.

Автор ничего не знает о них и не берется запутывать простые и малокультурные умы своими на этот счет глупыми изречениями. Решительно не знает автор, что самое привлекательное в жизни.

Иной раз только автору кажется, что после общественных задач на первом плане стоит любовь. И что любовь самое привлекательное занятие.

Вот другой раз идешь, предположим, по городу. Поздно. Вечер. Пустые улицы. И идешь ты, предположим, в огромной тощине — в пульку, скажем, проперся или какая-нибудь мировая скорбь обуяла. Идешь — и все кажется до того плохим, до того омерзительным, что вот прямо взял бы кажись, и повесился бы сию минуту на первом фонаре, если б он освещен был.

И вдруг видишь — окно. Свет в нем красный или розовый пущен. Занавесочки какие-нибудь,этакие даны.

И вот смотришь издали на это окно и чувствуешь, что уходят все твои мелкие тревоги и волнения и лицо расплывается в улыбку.

И тогда кажется чем-то прекрасным и великолепным и этот розовый свет, и оттоманка какая-нибудь там за окном, и какие-нибудь глупые любовные речи, и какая-нибудь смешная любовная канитель.

Тогда кажется все это чем-то основным, чем-то раз навсегда данным. Все проходит в жизни, кроме любви и смерти.

Ах, читатель! Ах, ты милый мой покупатель! Да знаешь ли ты это драгоценное чувство любви, этот настоящий любовный трепет и сердечные треволнения? Не кажется ли тебе это самым драгоценным, самым привлекательным в нашей жизни?

Автор повторяет — он не утверждает этого. Он решительно не утверждает. Он надеется, что есть в жизни что-то еще более

лучшее и более прекрасное. Автору только иногда кажется, что нет ничего выше любви.

Автора, к сожалению, мало любили женщины. Автор прямо таки не припомнит — целовали ли его хоть раз при розовом освещении. Должно быть нет. Автор был молод и юн в те бурные годы революции, когда вообще никакого освещения не было, кроме восходящего солнца. И люди ели тогда овес. Пища эта грубая, лошадиная. Она не вызывает тонких романтических побуждений и тоски по розовому фонарю.

Но все это не слишком удручает автора и не колеблет в нем сейчас бодрой любви к жизни и сознания в том, что любовь, пожалуй, очень большое и очень привлекательное занятие.

Сергей Петрович Петухов, хотя был и помоложе автора, но и у него были такие же мысли и такие же точно соображения насчет жизни и любви. Он также понимал жизнь, как понимает ее автор, умудренный житейским опытом.

И в тот знаменитый день, в то ясное воскресенье, Сергей Петрович, сытно позавтракав, часа полтора валялся на кровати, предаваясь этим сладким любовным мечтаниям. Он думал о любовном приключении, которое у него уже завязывается. И думал о тех умных, веселых и энергичных словах, которые он нынче утром говорил девушке. И еще думал о том, что любовь очень и очень может окрасить его скучную и одинокую жизнь.

Сергей Петрович, вытянув ноги на спинку кровати с нетерпением стал подсчитывать сколько же, наконец, времени осталось до назначенного часа, до семи часов вечера, когда он будет сидеть со своей барышней в кино и там, под музыку бравурного рояля и под стрекот аппарата, будет говорить тихим и энергичным шопотом о той неожиданной нежности, которая нынче охватила его.

Было начало второго.

— Почти шесть часов ожидания! — бормотал наш нетерпеливый герой.

Но вдруг, стремительно вскочив с кровати, он быстро зашагал по комнате, бормоча проклятия и пихая ногами стулья и табуреты, попадавшие под его неосторожные шаги.

В самом деле! Что ж это он лежит, как сукин-сын? Нужно же поскорее действовать!

Сергей Петрович был, в настоящую минуту, как говорится, не при деньгах. Полученное неделю назад жалованье давно ушло на всякие житейские нужды и потребности и сейчас у нашего героя было в кармане всего четыре копейки меди и одна трехкопеечная почтовая марка.

Сергей Петрович об этом остро помнил, когда говорил девушке о кино. Он не захотел только в те минуты портить себе кровь и обдумывать, где бы ему занять эти, в сущности ничтожные, деньги. Он решил обдумать это дома. Но вот уж почти два часа он, как последний сукин-кот, валяется на матрацах, не предпринимая никаких шагов. Размечтался, дырявая голова!

Сергей Петрович без пиджака, в одной рубашке, бросился в соседнюю комнату. Он хотел занять у соседа, с которым он был в довольно таки приятельских отношениях.

Однако, сосед сказал, что сегодня он решительно не может одолжить. Он верит в благие намерения Сергея Петровича отдать эти деньги, но, к сожалению, у него у самого осталось сорок копеек, которые ему крайне нужны сегодня. А, кроме того, он вообще воздерживается давать в долг, считая это совершенно неумной и рискованной затеей. .

Сергей Петрович бросился на кухню. Он стал умолять хозяйку выручить его из беды. Однако, хозяйка сухо и непреклонно отказала, заявив, что она сама едва-едва сводит концы с концами и что она, к сожалению, не удосужилась еще приобрести на рынке подходящий станок, на котором она бы могла, сколько ей влезет, печатать червонцы и двухгривенные.

Сергей Петрович, в сильных грустях и даже несколько взволнованный, прошел в свою

комнату и снова прилег на кровать. Он стал методически обдумывать, где бы ему разжиться монетой. Ему нужна, в сущности, небольшая сумма — ну, на худой конец ему нужно семь гривен.

Сергею Петровичу до того захотелось достать эти деньги, что, на один миг, он даже отчетливо увидел их в своей руке — три двугривенных и один гривенник.

Стараясь обдумывать спокойно, Сергей Петрович мысленно обошел всех своих знакомых и, в сильных выражениях, упрашивал их одолжить ему нужную сумму. Но вдруг пришел к мысли, что в долг он, действительно, вряд ли у кого займет.

Тогда Сергей Петрович стал обдумывать, как бы иным способом выкрутиться из некрасивого положения. Быть может продать что-нибудь.

Да. Конечно продать.

Тогда Сергей Петрович быстро открыл шкаф, письменный стол, ящик. Нет. Решительно ничего нет. Все ерунда и рвань. Не

может же он загнать последний костюм или хозяйский шкаф и диван. Вот если загнать старые сапоги. Но что за них дадут?

Вот что. Да, конечно! Сергей Петрович сейчас, сию минуту продаст эту мясорубку. Она у него лежит в корзине. Она досталась ему еще от покойной матери. Странно, почему это он эту машинку до сих пор не загнал?

Сережа стремительно вытянул из под кровати корзину, полную всякой домашней пыльной рухляди. С большой надеждой извлекал Сергей из корзины разные вещи и предметы, мысленно оценивая их.

Но все это опять таки была сплошная неценная ерунда. Масса пыльных пузырьков, закорузлых склянок, коробочек от порошков с закрученными рецептами. Какой-то тяжеленный висячий шар от лампы, с дробью. Ржавый засов. Два крюка. Мышеловка. Колodka от сапог. Кусок голенища. И вот, наконец, мясорубка.

Сереза стер с нее пыль платком и любовно прикинул ее на ладонь, мысленно взвешивая и оценивая.

Это была довольно массивная, плотная мясорубка с ручкой. В 19 году в ней мололи овес.

Сереза сдул с нее последнюю пыль, завернул в газету и, накинув на себя пальто, опрометью кинулся на рынок.

Воскресный торг был в полном разгаре. На площади ходили и стояли люди, бормоча и размахивая руками. Здесь продавались штаны, сапоги и лепешки на подсолнечном масле. Стоял страшный гул и острый запах.

Сереза протискался сквозь толпу и встал на виду в сторонку. Он резвернул свою драгоценную ношу и опрокинул ее на ладонь, ручкой вверх, приглашая мимо проходящую публику взглянуть на товар.

— А вот мясорубка... — бормотал наш герой, уторапливая события.

Сереза довольно долго стоял — никто не подходил даже. Только одна полновесная ма-

дам, на ходу спросила о цене и, узнав, что цена — полтора целковых, пришла в такое сильное раздражение и в такую неопишную ярость, что начала на весь рынок срамить Сергея Петровича, называя его мародером и осатанелым подлецом. И под конец заявила, что он сам, вместе со своей машинкой и прабабушкой стоит не более, как рубль с четвертью.

Собравшаяся толпа несколько оттеснила расходившуюся даму.

Один предприимчивый человек, тут же отделившись от толпы, осмотрел мясорубку, вынул кошелек и брякнув им об ладонь сказал, что полтора целковых цена, действительно, неслыханная в наши дни и что мясорубка решительно не стоит таких денег. Она в плохом виде и нож у нее затупленный и гнусный нож. И что, если владелец мясорубки желает, то может хоть сию минуту получить за нее наличными деньгами двугривенный.

Сереза отказался, гордо покачав головой.

Он долго стоял после этого в неподвижной позе. Никто не подходил к нему.

Толпа давно поредела.

У Сергея Петровича крайне затекли руки и заняло сердце.

Но вот, неожиданно, он глянул на рыночные часы и пришел в совершеннейший ужас. Было уже без четверти четыре. Он еще ничего не сделал.

Тогда Сергей решил, не теряя драгоценного времени, продать мясорубку первому покупателю за любую цену, с тем, чтобы немедленно куда-нибудь побежать и раздобыть недостающие деньги.

Он продал мясорубку какому-то лохматому черту за 15 копеек.

Лохматый долго и с особым оскорбительным выражением на лице отсчитывал медяки в протянутую руку Сергея Петровича. И отсчитав 13 копеек сказал: «Больно хватит».

Сереза хотел крепко покрыть отчаянного покупателя но, взглянув еще раз на часы, охнул и ринулся к дому.

Было четыре часа пополудни.

4

Сереза, зажав в кулаке 13 копеек, бросился домой, на ходу обдумывая планы и возможности, по которым он достанет остальную сумму. Однако, голова решительно отказывалась что-либо придумать. Лоб покрылся потом и в висках лихорадочно стучало. Мысль о том, что осталось менее трех часов — не давала спокойно обдумать создавшееся положение. Сергей Петрович пришел домой и окинул печальным взором свою комнату.

Он было решил загнать что-нибудь основное из своего постельного гардероба — подушку, например, или одеяло. Но во время подумал о том, что девушка, после кино,

очень свободно может посетить его скромное жилище. Ну что он ей тогда скажет! В самом деле, ну что он может сказать барышне насчет недостающего одеяла? Позор! Ведь барышня из любопытства сама может спросить: «Где, — скажет, — у вас одеяло?»

При этой мысли сердце Сергея Петровича облилось кровью и страшно застучало и он решительно отверг этот недостойный план.

Но вдруг новая счастливая идея осенила бедную голову.

Тетка! Родная тетка! Тетка Наталья Ивановна Тупицына. Родная тетка Сергея Петровича. Что он обалдел, в самом деле! Чего ж он раньше, дырявая голова, о ней не подумал?

Прежняя бодрость и веселье охватили все существо Сергея Петровича. Он стал танцевать какой-то дикий африканский танец, размахивая своим пальто и подвывая. И накинув пальто только на лестнице, Сергей Петрович хорошей, бодрой рысцей побежал на

Газовую улицу № 4 к родной, дорогой своей тетке.

Сергей Петрович довольно редко видался с теткой. Он видался с ней не более двух раз в год — на именины и пасху. Но, тем не менее, это была его родная тетка. Она поймет. Она, ей-богу, поймет. Сергей был довольно таки любимым ее племянником. У нее была даже сумасшедшая любовь к нему. Она сама ему сказала, что после ее смерти пускай он владеет тремя мужскими костюмами, которые остались после ее покойного супруга, умершего полтора года назад от совершенно незаразной болезни, от брюшного тифа.

И не может быть, чтобы эта родная тетка не вошла в его пиковое положение.

Вот, наконец, и Газовая улица. А вот и симпатичный дом № 4 — двухэтажный, с мелкими окнами.

Сереза вбежал во двор через калитку. Поднялся одним духом во второй этаж. Вошел в кухню.

Две старые женщины хлопотали у плиты. Это были довольно вздорные старухи, квартирные хозяйки — сестры Белоусовы. Одна из них, младшая и наиболее ядовитая старуха, стояла на корячках перед открытой печкой и кочережкой вынимала угли в тушилку: из явной скупости. Другая божья старушка, старшая Белоусова, вытирала тарелки засаленным полотенцем. Какой-то небольшой парень, может быть, какой-нибудь Белоусовский родственничек, сидел на табурете и беззастенчиво жрал вареный картофель.

На стене перед плитой в громадном количестве бегали тараканы. У окна висели железные часы с гирями. Маятник качался со страшной быстротой и хрипло, со скрежежом, отбивал такт тараканьей жизни.

Женщины таинственно переглянулись, когда Сергей Петрович вошел в кухню. Они замахали на него руками, как бы приглашая его вести себя потише и не харкать. И сами, стараясь перегудеть друг друга, начали докладывать, что вот уж вторая неделя, как его

тетка, Наталья Ивановна Тупицына, лежит без задних ног на краю могилы и что приглашенный врач, выслушав ее, ничего такого особенно страшного не сказал, он только развел руками и прописал порошки, от которых на другой день к вечеру у больной отнялись ноги и перестал работать язык и желудок. И что, если так пойдет дальше, то старушка Тупицына не сегодня - завтра, с помощью божьей, перекочет в иной, лучший мир. И что Сергей Петрович, как единственный ее законный наследник, пускай сам распоряжается всякими могилами и гробами, так как у них нету времени безкорыстно работать неизвестно на кого.

У Сергея Петровича совершенно упало сердце. Последняя надежда его рухнула. Он почти не соображал, что ему говорили. Он оттеснил причитавших старух и медленно, слегка покачиваясь, пошел по корридору в теткину комнату.

Тетка неподвижно лежала на кровати, тяжело и хрипло дыша.

Сергей Петрович обвел глазами комнату и мельком глянул на желтое старухино лицо с закрытыми глазами и с острым носом. У Сергея Петровича захватило дыхание и, осторожно ступая на носки, он снова пошел в кухню.

Ему не было жаль умирающей тетки. Он даже в те минуты и не подумал о ней. Он только подумал о том, что сегодня решительно нет никакой возможности призанять у нее денег.

Сергей Петрович минут пять стоял в кухне почти в полной неподвижности. Ужасная бледность покрыла его лицо.

Две женщины, из уважения к его нестерпимому горю старались также не двигаться, они только беззвучно вздыхали и вытирали кончиками платков свои губы и глаза. Стояла почти полная тишина. Только один парнишка попрежнему, грубо чавкая, жрал картофель. И попрежнему кухонные часы мерно отбивали движение времени.

Тогда Сергей Петрович, шумно вздохнув, искоса посмотрел на тикающие часы и замер в совершенном и окончательном оцепенении.

Было начало шестого.

Большая стрелка заканчивала первую свою четверть.

Второй раз в этот день сердце Сергея Петровича облилось кровью. Заломило в боку. Вся голова вспотела. И в горле стало сухо и жестко.

Сосущая тревога сменилась вдруг полным и бурным отчаяньем.

С Сергеем Петровичем сделалась такая нервная лихорадка, что он едва нашел выход на лестницу. Он сунулся было в чулан, потом дважды ткнулся в уборную, потом согнал с табурета парнишку и хотел ударить его по морде и, наконец, с помощью крестьящих его старух, нашел выходную дверь.

Он едва прошел через дверь, до того мотались его руки и ноги.

Только на улице Сергей Петрович немного пришел в себя. Он медленным шагом пошел

к дому. Он старался ни о чем не думать. Но всевозможные мысли сами давили его голову. Он пытался иронией несколько смягчить свое положение.

— Вон как, брат Серега, — бормотал он. — Вон как прищемило.

Однако, ирония не помогала.

Он пришел домой и в полном изнеможении лег на кровать.

— И в чем, собственно, дело? — успокаивал себя Сергей. — Ну, эка штука — денег нету. Подумаешь, какая нестерпимая беда! Дерьмо какое! К чему же это последнюю свою кровь отравлять вопросами? Пойду и скажу — мол, нету — мало ли.

Но тут какое-то упрямство и какое-то тупое желание достать во что бы то ни стало — не давали ни о чем ином думать.

Казалось, что в этом сейчас весь смысл жизни. Или он, Сергей Петрович Петухов, достанет эти жалкие деньги и пойдет сегодня с девушкой, как ходят все люди, безопасно и

весело, или же какой-то крах, какая-то ужасная катастрофа разразится над ним.

Сергей Петрович неподвижно лежал на постели. Целые фантастические планы и картины стали рисоваться в его мозгу.

Вот, например, он идет по улице и находит бумажник. Или вот он заходит в магазин, наводит панику и ужас на приказчиков и забирает товару на кругленькую сумму. Или приходит в Госбанк, загоняет служащих в ванную комнату и берет полный мешок гривенников.

Тут же, после всякой своей фантазии, Сергей безнадежно усмехался и упрекал себя в нереальном подходе к событиям.

Он упрашивал себя не волноваться, а строго по порядку, не торопясь и не предаваясь заманчивым иллюзиям, перечислить методически все возможные выходы.

Но вдруг все — и кровать, и комната, и подушки — стали невыносимы. Сергей Петрович почти выбежал на улицу.

Он, крупно шагая и бормоча что-то, прошел по проспекту.

Сам того не замечая, он остановился у часового магазина и долго глядел на круглый белый циферблат часов, выставленных в окне.

Он долго стоял и глядел, как двигалась большая стрелка. Она двигалась крайне медленно и с каждым ее движением высыхало в горле Сергея Петровича.

Было шесть часов вечера.

Большая стрелка несколько даже перемахнула 12.

Сергей Петрович резко повернулся и пошел дальше. И проходя мимо Госбанка, криво усмехнулся и побарабанил пальцами по вывеске.

И пошел дальше, усмехаясь.

Он долго шел по каким-то улицам. И вдруг снова увидел дом своей тетки.

Сергей Петрович немного постоял у теткин-ного дома, решительным шагом прошел во двор и стал подниматься по лестнице.

Неясные мысли приняли вдруг отчетливые формы.

Ну конечно! В чем же дело? Он придет к тетке и просто возьмет у ней что-нибудь. Или разбудит ее и попросит. Он совсем не хочет скрывать от нее. Он, наконец, как наследник, может это сделать. Он может, например, открыть комод или какой-нибудь там ночной столик и взять какую-нибудь мелочь. В чем же дело? В конце-концов он может даже предупредить этих двух квартир-ных дур.

Сергей Петрович подошел к дверям и минуты две стоял перед ними в нерешительности.

Потом слегка подергал ручку. Дверь была закрыта.

Сергей Петрович хотел было громче потрясти ручку, но вдруг услышал шаги в кухне. Кто-то подходил к дверям.

Сам не зная почему, Сергей Петрович испугался и одним прыжком бросился в сторону, на лесенку, ведущую на чердак.

В это время загредел крюк, дверь открылась и квартирная хозяйка, старшая Белоусова, с ведром, полным помоев, вышла на лестницу и стала спускаться вниз.

Немного обождя, Сергей Петрович быстро подошел к незапертым дверям, осторожно открыл их и вошел в кухню.

В кухне никого не было.

Тогда, осторожно и тихо ступая на носки, Сергей Петрович пошел по корридору в теткину комнату.

В комнате было темно.

Безотчетный страх, почти ужас, охватил Сергея. Он сделал три шага по направлению к теткиной кровати и остановился, наступив на мягкие войлочные старухины туфли. Дрожь прошла по его телу.

Спокойное, хотя хриплое дыхание тетки своей равномерностью немного успокоило Сергея Петровича. Он подошел вплотную к кровати, пошарил руками впереди себя и, нащупав столик, подошел к нему.

Вдруг неосторожным движением трясущейся руки, он опрокинул на столике какой-то пузырек. Вслед за пузырьком со страшным звоном упала на пол столовая ложка. Тетка слегка мотнула головой и промычала неясное.

Сергей Петрович замер, стараясь не дышать.

В соседней комнате послышались вдруг чьи-то шаги. Кто-то теперь шел по корри-дору беспокойными, шаркающими ногами.

Сергей Петрович заметался по комнате. Он подбежал к окну. Потом повернулся назад и, стремительно открыв двери, бросился в темный корридор. На быстром ходу он сшиб с ног младшую старуху Белоусову и, перепрыгнув через нее, побежал дальше.

Ужасно закричала старуха и крик ее гулко разнесся по всему дому.

Сергей Петрович вбежал на кухню, погасил за собой свет и кинулся на площадку.

Сергей Петрович хотел одним духом броситься вниз, но вдруг внизу слышались то-ропливые шаги. Ужасный старухин крик всполошил весь дом, а, может быть, и всю улицу.

Теперь по лестнице бежали какие-то люди.

Сергей заметался на площадке и снова, как и в первый раз, бросился на верхнюю чердачную лесенку. И там, у закрытой двери, присел, почти упал, на ступеньки. Сердце его колотилось отчаянно. Не хватало воздуха. С разинутым ртом сидел Сергей Петрович на ступеньках и с ужасом прислушивался к тому, что происходило внизу.

Какие-то люди вбежали в квартиру, кто-то отчаянно визжал. И кто-то, сквозь рыданье, хрюкал.

Человек десять выбежало вдруг гуськом из квартиры и бросилось вниз.

Выждав несколько минут, а, может быть, и полчаса, Сергей Петрович стал спускаться с лестницы. Он медленно, почти задумчиво, заложив руки назад, с полным и ледяным спокойствием прошел через двор и, не встретив никого, очутился на улице.

На улице, у ворот, толпились люди.

— Ну, что? — спросили Сергея Петровича.
— Поймали?

Сергей Петрович промычал что-то в ответ и тихим шагом, слегка покачиваясь, пошел к своему дому.

Он, как тень, прошел в свою комнату. Потом прошел на кухню и поглядел на хозяйский будильник.

Было четверть девятого.

Сергей Петрович усмехнулся и, сняв пиджак и штаны, долго ходил по комнате в одних подштанниках. Он соображал, где именно он был в семь часов вечера. И никак не мог решить.

Вдруг кровь ударила ему в голову. Он мысленно представил себе растерянное лицо девушки, ждущей его час и более.

Потом, снова усмехнувшись, Сергей Петрович лег на постель. Он спал беспокойно, часто мычал во сне, ворочался и перекладывал подушку.

6

Сергей Петрович проснулся рано. Было часов семь утра.

Он сидел на постели в одних подштанниках и задумчиво зашнуровывал ботинок.

В этот момент постучали в дверь и в комнату тихо вошла младшая старуха Белоусова.

Сергей Петрович страшно побледнел и встал с постели. Он дрожал и зубы его отбивали барабанную дробь. Старуха замахала на него руками, заявив, что пусть он зря не стыдится своего вида, он вполне ей годится в правнуки, и что она, на своем веку, много

перевидала мужчин в самых разнообразных подштанниках.

Старуха присела на табурет, скорбно высморкалась в головной платок и торжественно сказала, что сегодня, под утро померла его тетка, Наталья Ивановна Тупицына.

Сергей Петрович сперва просто не понял, о чем идет речь. Он предполагал услышать от старухи кой-какие намеки и подозрения относительно вчерашнего происшествия, однако, старуха говорила о другом.

Но вот гостя, выждав для приличия пять минут, и безутешно всплакнув о безвременно погибшей тетке, принялась длинно и подробно рассказывать об ужасах вчерашнего налета.

Сергей Петрович снисходительно слушал, потом стал думать о своем.

— Конечно, — думал Сергей, — можно бы пойти сейчас к Катюше и об'яснить — вот, мол, вчера померла тетка. Так сказать, семейные обстоятельства не дозволили вчера

провести прилично время. Он, мол, сидел у постели умирающей родственницы.

Конечно, это можно сделать. Но вчерашнее волнение, вчерашние ужасные потрясения притупили охоту Сергея Петровича. Он снова стал слушать старухину речь.

Старуха длинно и нахально врала о вчерашнем бандитском нападении, совершенно не предполагая, что перед ней сидит человек, кое-что знавший об этом деле. Старуха уверяла, что налетчиков было трое и ими резко командовала одна женщина. И что, кроме этих четырех, был еще пятый — наводчик — совершенно безусый парень.

Тут Сергей Петрович несколько не выдержал и высказал предположение, что старуха, видимо, с перепугу, обмишурилась и приняла своего белоусовского родственничка за безусого наводчика, а свою многоуважаемую сестрицу за атамана-налетчика.

На что старуха с обидой заявила, что пусть он при себе оставит свои лишние сентенции и что только ее находчивость и сме-

лость не допустили разбойников разграбить имущество их, а также и Сергея Петровича.

Тут старуха подошла вплотную к наиболее острому и занимательному вопросу. Она деликатно повела речь об оставшемся наследстве.

Ах да! Сергей Петрович с этими волнениями вовсе позабыл об этом наследстве. Это же прямо великолепно!

Снова бодрость и счастье охватили Сергея Петровича. Снова радужные перспективы и горизонты открылись перед ним. Он мысленно примерял теткины костюмы и жилеты. Он мысленно шел в новеньком пиджаке под руку с Катюшей Червяковой. Он мысленно торговался с татаринном, загоняя ему всякое ненужное теткино барахло.

Долой уныние, долой меланхолию и слякоть! Да здравствуют бодрые слова, бодрые мысли, счастливые мысли, прекрасные желания! Как хорошо и отлично жить на свете! Как хорошо и какое счастье чувствовать

жизнь такой, какая она есть, а не такой, как иной раз кажется.

Сергей Петрович чувствовал себя семнадцатилетним мальчиком. Он пустился бы в пляс, он пошел бы отплясывать фокстрот с младшей Белоусовой, если б было прилично танцевать сразу после смерти родственников.

Сергей Петрович, вежливо попрощавшись со старухой, великосветски заявил, что он непременно будет сегодня на панихиде. Он не пойдет на службу. Он, конечно, сейчас же быстро смотается до Катюши Червяковой и оставит ей прискорбное письмо с наилучшими извинениями. И потом пойдет отдать последний долг родственнице.

Сергей Петрович несколько даже заволновался. Он забоялся, как бы, в последний момент старухи не почистили бы его наследства.

Он быстро присел к столу и, барабаня пальцами, стал обдумывать текст письма.

Радость и счастье давили грудь и мешали сосредоточиться.

Сергей Петрович взглянул в окно и замер в полном восхищении. Вставало прелестное утро. Голубое небо и спокойные верхушки деревьев предвещали отличный день.

— Как хорошо жить! — бормотал Сергей, открывая форточку. — Как хорошо дышать утренней прохладой! Как хорошо любить какую-нибудь миловидную барышню!

Сергей Петрович решительно присел к столу. Он написал несколько слов Катьюше с объяснениями и с просьбой придти сегодня в 7 часов в назначенное место. Он запечатал конверт, оделся и вышел на улицу.

Он шел с гордо поднятой головой. Вчерашний ужас и волнения отошли куда-то в вечность. Вчерашний маленький страх перед жизнью исчез и сменился энергичным мужеством.

И в чем, собственно, дело? Да, действительно, вчера он немножко как-будто сдал. Вчера он слегка поволновался. Но все остается попрежнему. Прекрасная жизнь продолжается. И продолжается его веселое лю-

бовное приключение. За ним идет счастье и удача.

Сергей Петрович отдал письмо дворнику для передачи Катюше Червяковой и сам, глубоко вдыхая утреннюю прохладу, пошел легкой, танцующей походкой к бывшей своей тетке.

Сергей пришел к самой панихиде. Старый батюшка тянул свою канитель. Старухи Белоусовы тихонько хрюкали, оплакивая свою последнюю жилицу. Но вместе с тем все это веяло бодростью и повседневной жизнью.

Сама покойная тетка удобно расположилась на столе на лучших кружевных наволочках. Спокойствие и счастье лежали на ее добродушном лице. Старуха была, как живая. Некоторый даже румянец пробивался сквозь ее желтую кожу. Казалось, будто она, устав, на минуту прилегла на стол и вот-вот сейчас, отдохнув, встанет и скажет: «А вот и я, братьцы мои!»

Сергей Петрович долго смотрел на нее добрыми глазами.

— Тетка, тетка, — думал он. — Экая ты, брат-тетка! Подохла таки.

Сергей Петрович стоял неподвижно, склонив голову. Он думал о кратковременной жизни и о непрочности человеческого организма, и о том, что надо эту жизнь заполнить погуще всякими отличными делами и веселыми приключениями. И эти мысли не горем и меланхолией наполняли его сердце — на сердце были мир и тишина.

И Сергей Петрович, не дождавшись конца панихиды, тихо поклонился неподвижной тетке и вышел из помещения.

Он пошел по корридору в комнату своей тетки.

Там было все аккуратно прибрано. И ничто не говорило о смерти.

Сергей Петрович беглым взглядом оглядел комнату, прикинул на глаз стоимость каждой вещицы. И насчитав до кругленькой суммы, до ста рублей, тихонько улыбнулся, вышел из комнаты и, закрыв дверь на ключ, пошел на улицу.

Он шел по улице и радостно смеялся. Солнце, несмотря на осень и несмотря на свои, все растущие пятна, обжигало его всем своим стремительным пылом. Ветра никакого не было.

7

Вечером, в тот же день, Сергей Петрович встретился со своей дамочкой.

Она пришла несколько позже его. Он, волнуясь и подыскивая приличные слова, взял ее руки и тут же, на углу, стал объяснять причины вчерашнего отсутствия.

Да, он ни на одну минуту не мог уйти. Его родная тетка предпочитала помирать на его руках.

Он в сильных красках описывал теткиную смерть. Засим перешел на описание оставленного имущества.

Девушка мило моргала ресницами и, добродушно улыбаясь, говорила, что вчера, действительно, она сильно разобиделась, но сегодня не высказывает никаких претензий.

Они, мило обнявшись, сидели в зрительном зале. И, под стрекот аппарата, Сергей Петрович шептал ей всякие порядочные слова о своих чувствах и намерениях. Девушка благодарно пожимала его руку и ногу и говорила, что он, с первого взгляда, ей приглянулся своей ровной внешностью.

После кино Сергей Петрович со своей мамзелью долго шлифовал тротуары. А немного попозже она посетила его скромное жилище.

В половину двенадцатого ночи Сергей Петрович выпускал ее от себя. Это видел гражданский инвалид Жуков. Он в это время искал свою кошку на лестнице. И слышал, как Сергей Петрович сказал: «В крайнем случае можно и записаться».

Через две недели они записались.

Радости их не было границ.

А через полгода Сергей Петрович с молодой своей супругой выиграли двадцать рублей по Крестьянскому Займу, доставшемуся им от бывшей тетки.
